

УДК 315.07

Европеизм И.С. Тургенева в оценке деятелей культуры русской эмиграции первой волны

Тишина Ирина Николаевна

Журналист,

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына,
119240, Российская Федерация, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2;
e-mail: tishina70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу спектра мнений об И.С. Тургеневе как «русском европейце», выработанных представителями русской эмиграции первой волны. Обращение к данной проблематике в научной литературе производится впервые. Актуальность данной темы определяется востребованным в эпоху глобализации вопросом о коллизиях, возникающих при попытке совместить гетерогенные ценностные ориентации в процессе «вживания» личности в другую культуру. Проблема, интересующая Д.С. Мережковского, П.Н. Милюкова, Б.К. Зайцева и Г.В. Флоровского, состоит в попытке оценить саму возможность совмещения «русского» и «европейского». Тургенев в данном случае фигура показательная: писатель, как известно, многие годы прожил за границей, сохранив при этом не только пронзительно точное чувство Родины, но и способность его передать. Причем передать художественным языком, понятным и для русских, и для иностранных читателей. Рассматривая работы названных выше деятелей культуры, посвященные И.С. Тургеневу, автор статьи выделяет специфику различных трактовок его творчества в связи с темой универсализма значимых культурных текстов и определенной национально-культурной идентичностью их создателей. В статье обоснована точка зрения, согласно которой противоречивый характер оценок Тургенева как «русского европейца» связан с неоднозначностью самой ситуации межкультурного взаимодействия. Те острые проблемы, которые вскрыла данная дискуссия, не потеряли значения по сей день: анализ концепта «русский европеец» в историко-культурном контексте позволяет показать перспективу его теоретического осмысления и практического применения в современной межкультурной коммуникации.

Для цитирования в научных исследованиях

Тишина И.Н. Европеизм И.С. Тургенева в оценке деятелей культуры русской эмиграции первой волны // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 502-511.

Ключевые слова

И.С. Тургенев, Л.С. Мережковский, П.Н. Милюков, Б.К. Зайцев, Г.В. Флоровский, русская эмиграция, «русский европеец», европейская культура, русская культура.

Введение

Актуальность обращения к теме взаимоотношений русской и европейской культур определяется сегодня не только наличием тесных контактов между представителями данных культурных типов и появления все более сложно структурированных задач межкультурной коммуникации. Особого внимания заслуживает нарастающее в эпоху глобализации стремление «вернуться к корням», наблюдаемое в культурах народов Европы и России и активно дискутируемое в публицистике и научной литературе. Это стремление, в свою очередь, ставит вопрос об «образе другого» в соотношении с образом самого себя. В ряду важных контрагентов подобного взаимодействия и оказываются Россия и Европа. Причем все более существенным становится видение друг друга «без идеализации» [Вахрамеева, 2012, 158-164, 159-160].

Выделяя сущность европеизации русской культуры, российские исследователи нередко делают акцент на том, что неверно понимать ее как «подражательство», напротив, европеизация в этом случае открывает «множественность культурных миров» [Баженова, Семина, 2008, 174-185] и подчеркивает их «творческое начало» [Лаппо, 2014, 121-125].

Интересно, что, говоря о культурных различиях, современные исследователи выделяют сравнительно большую взаимозависимость представителей русской культуры по сравнению, в том числе, с европейцами [Varnum et al., 2010, 9-13]. Вместе с тем, и зарубежные, и отечественные авторы указывают, что стремление «замкнуться в своем маленьком мирке», уклонившись от излишней внешней активности, свойственные современному российскому обществу, не находят понимания в Европе. Западная Европа равно как Античность и Византия лежит в основе культурной самоидентификации русских [Likhacheva, Makarova, Makarova, 2015, 4]. Хотя, разумеется, не всегда культурные различия можно свести к индивидуальным [Na et al, 2010, 6192-6197], стоит иметь в виду тот вклад, который вносит в общение отдельная личность. Особенно – если эта личность творческая, заметная в истории и культуре [Глаголев, 2016, 41-48, 336]. Ценностный вектор исторического знания, таким образом, разворачивается от конструктивистской критики термина «культура» [Андерсон, 2016] к возвращению данного термина как «неудобного» своей двойственностью, но вместе с тем отражающего не передаваемый иным образом смысл [Силантьева, 2017, 201-206].

Ярким примером такой творческой личности, примером воплощения взаимовлияния европейской и русской культур в их диалоге, являются жизнь и деятельность И.С. Тургенева, поскольку более тридцати пяти лет писатель провел за границами своего Отечества. Опыт И.С. Тургенева стал основанием для использования в целях характеристики его многогранной личности концепта «русский европеец». О европеизме Тургенева говорили его современники, исследователи творчества писателя XX столетия и последнего времени. Концепт «русский европеец» определяли, как феномен культуры, чьим историко-культурным основанием является диалог культур – [Бахтин, 1979]; [Кантор, 2001, 704]. Благодаря современным исследованиям концепт «русский европеец» введен в понятийный аппарат культурологии, дана его дефиниция и раскрыто структурно-семантическое содержание [Карантеева, 2010, 145]. Новизна данного исследования, таким образом, заключается в изучении специфики трактовки деятелями русской эмиграции первой волны биографии, жизни и деятельности И.С. Тургенева как представителя русской культуры и одновременно – представителя культуры европейской.

Основная часть

Итак, опыт длительного пребывания за рубежами страны И.С.Тургенева как пример личностной и творческой адаптации в условиях инокультурного окружения стал особенно востребован деятелями культуры русской эмиграции первой волны. Писатели, поэты, историки Русского зарубежья обращались к теме европеизма Тургенева, проводя параллели с собственными судьбами, определяя свое место в общеевропейском культурном пространстве. С начала 20-х и до середины 30-х годов XX века русские гуманитарии, оказавшиеся на чужбине, заново переоценивают причины и смыслы тургеневского пребывания за границей, его коммуникативные стратегии в инокультурном пространстве, его вклад в общеевропейскую культурную сокровищницу. Столетие со дня рождения И.С.Тургенева в 1918 году, выпавшее на годовщину революции 1917 года, и пятидесятилетие со дня смерти писателя, отмечавшееся в 1933 году, еще более усилили интерес русской интеллигенции к тургеневской теме, что нашло свое отражение в ряде работ деятелей культуры, созданных в этот период за пределами Отечества.

Понятие «русского европеизма» И.С. Тургенева в дореволюционных работах Д.С. Мережковского

Еще до Исхода в России появились статьи о И.С. Тургеневе, где тема европеизма писателя рассматривалась в сочетании с темой русской революционной действительности, поскольку страна уже пережила первую русскую революцию 1905 года. В работе «Тургенев», впервые озвученной автором на Тургеневском вечере 19 февраля 1909 года, а затем опубликованной в газете «Речь» №51 от 22 февраля 1909 года, Д.С. Мережковский назвал Тургенева «гением меры». «В России, в стране всяческого – революционного и религиозного – максимализма, – обосновывал свою мысль Мережковский, – стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный после Пушкина *гений меры* и, следовательно, гений культуры...» [Мережковский, 1914, 58]. Мера в Тургеневе, по Мережковскому, именно *европейская*, в то время как оппоненты писателя – Толстой и Достоевский – носители «русской чрезмерности». Не оттого лиреволюция «не удалась», задается вопросом Мережковский, что «слишком много в ней Л.Толстого и Достоевского, мало Тургенева?...» Гений меры, делает акцент автор статьи, – это гений, прежде всего, Западной Европы, которая впервые ощутила благодаря Тургеневу то, что Россия – «тоже» Европа... [Мережковский, 1914, 59]

Оказавшись в эмиграции, Д.С. Мережковский как автор работ к тургеневской теме не возвращался, однако на заседаниях образованного им литературно-философского общества «Зеленая лампа» представлялись доклады о писателе и его творчестве, в том числе доклад Г. Адамовича «О Тургеневе», опубликованный затем в эмигрантской парижской газете «Последние новости» от 3 сентября 1933 года, и доклад З.Н. Гиппиус «Брак писателя». К тому же основные положения ярких тургеневских эссе Мережковского об И.С. Тургеневе (помимо упомянутой работы перу критика принадлежат эссе «Памяти Тургенева» (1893) и «Поэт вечной женственности» (1914-1916)) были развиты авторами статей о И.С. Тургеневе уже в эмиграции.

Тема тургеневского европеизма наиболее подробно и широко была раскрыта историком, крупным общественным деятелем Русского зарубежья, главным редактором издания «Последние новости» П.Н. Милюковым в статье «Русский европеец». Статья была опубликована в 1933 году в №4547 газеты «Последние новости», один полный разворот которой был посвящен пятидесятилетию со дня смерти И.С. Тургенева.

Опытный публицист и оратор, П.Н. Милюков структурировал свою работу о Тургеневе, используя прием антитезы: автор противопоставлял писателя его давним оппонентам –

Толстому и Достоевскому. П.Н. Милюков, как и Мережковский, подчеркивает европеизм Тургенева, между тем оговариваясь: «в наши дни разочарований и усиленных утверждений наступающей гибели Европы» говорить о европеизме русского писателя «вовсе не значит сказать по его адресу что-нибудь особенно лестное» [Милюков, 1933, 2]. Определение «русский европеец» П.Н. Милюков объясняет по мере раскрытия содержания статьи, под выражением «в наши дни разочарований и усиленных утверждений наступающей гибели Европы» имея в виду, скорее всего, начало гитлеровского правления в Германии, что уже тогда, в 1933 году, отражалось на политическом климате европейского континента.

В контексте европеизма идеологические противники Тургенева представлены метким на язык Милюковым убедительно критически: и Толстой, и Достоевский, по его словам, «хлебнули» «слишком крепкого раствора русской народной стихии», чтобы называться европейцами, поэтому «русская катастрофа не прошла мимо их идей», – одного называют «соучастником большевизма», другого – большевистским «пророком». В отличие от них Тургенев оставался «на краю исторического потока» и не выходил за рамки культурного слоя, который был снесен «разливом» «с такой поразительной легкостью». «Снесена разливом», по образному выражению автора статьи, конечно же, русская эмиграция первой волны, в состав которой почти целиком входила элита нации – ученые, высшие военные чины, писатели, композиторы, художники и т.д. Этот тонкий пласт русской культуры, к 1917 году уже переставший быть «специфически дворянским», по мнению П.Н. Милюкова, и был «европейским». [Милюков, 1933, 2]

П.Н. Милюков, однако, опровергает общественное мнение о том, что писатель, «вынырнув», по его же собственным словам, «из немецкого моря» и став, по его же признанию, убежденным «западником», был далек от России. Тургенев, утверждает автор статьи, продолжал следить за происходящим в России и, кроме того, – сумел разглядеть «в тогдашней эмигрантской молодежи» то, что стало известным несколько лет спустя из архивных документов и воспоминаний. Этим утверждением П.Н. Милюков отвечал критикам «общественных» романов И.С. Тургенева, указывающим на несоответствие изображенных писателем революционеров реальным, на карикатурность образов Базарова, Кукшиной и т.д. В «общественных» романах И.С. Тургенева, отмечал Милюков, представлен «не ряд злых памфлетов», а правдивая хроника русского общественного движения. [Милюков, 1933, 2]

Автор статьи упоминает и о знаменитых отечественных «скитальцах», которые пытались найти за рубежами родины «отдыха от глубокой драмы русской жизни», – князе Курбском, Бакуanine, Герцене... И Льва Николаевича, и Федора Михайловича, подчеркивает Милюков, «тянуло» в Европу, однако вообразить их «рядом с Флобером и Гонкурами», по его мнению, невозможно вследствие иного «уровня культурности» по сравнению с Тургеневым. Сложность и культурная утонченность тургеневского типа, по Милюкову, и есть источник психологических конфликтов писателей. [Милюков, 1933, 2]

Многогранность натуры Ивана Сергеевича, обработанной «европейской культурной средой», делает вывод историк, воплотилась и в его личной жизни, и в его произведениях, равно как и биография Достоевского отразилась в произведениях Федора Михайловича, а образ жизни Толстого – в произведениях Льва Николаевича. Этот сложный культурный тургеневский тип, полагает Милюков, и есть выражение европеизма писателя, который, вкупе с историчностью его героев, составляет то непреходящее, что есть у Тургенева. [Милюков, 1933, 2]

Историк уверенно проводит и линию преемственности от Пушкина к Тургеневу, полагая, что он, гораздо более чем Достоевский, «восхваливший Пушкина на свой лад», и Толстой, «отвергший Пушкина вместе с Шекспиром», этого достоин. *Эта линия культуры* – именно то,

уверен историк, что «особенно чуждо современной России», что «необходимо ей вернуть, чтобы вывести ее на большую дорогу». На этой большой дороге, на этом пути - пути «русской сознательности», которым хотела идти здоровая часть русской интеллигенции, подчеркивает Милюков, и стоял Тургенев в отличие от тех «корифеев русской литературы», которые связывали себя с путями «русской стихии». [Милюков, 1933, 2]

Острая, полемичная и содержательная статья П.Н. Милюкова, написанная историком с позиции его богатейшего политического и эмигрантского опыта, ставила И.С. Тургенева на новую высоту – на высоту не только писателя, выразившего общественное мнение определенного круга (так историк изображал Тургенева в своих дореволюционных «Очерках по истории культуры России»), но и непосредственного участника общественно-политической жизни России. Милюков не называет Тургенева вслед за Мережковским «гением меры», однако его мысль о тургеневском разуме и сознательном избегании крайностей в контексте европейского понимания культуры вполне определена.

В статье «И.С. Тургенев (1818-1833)», опубликованной в эмигрантском журнале «Современные записки» в кн.45 за 1934 год, П.Н. Милюков еще более развивает основные положения своей предыдущей статьи о писателе, расширяет определение тургеневского европеизма и историчности его «общественных» романов. Историк подробно анализирует этапы формирования Тургенева-мыслителя, начиная с 30-40-х годов девятнадцатого столетия и до последних месяцев жизни писателя в 1883 году.

Рассматривая период формирования мировоззрения И.С.Тургенева (1830-1840 гг.), Милюков обращает внимание на особенность тургеневского «западничества», выразившуюся в отсутствии отрицания «гнилого Запада», что в корне отличалось от «западничества» Герцена и Белинского. Историк цитирует письмо Тургенева к Герцену от 1862 года, в котором писатель относит русский народ к европейской расе. [Милюков, 1934, 261]

Отчего же, задавался вопросом Милюков, Тургенев непреклонно следовал своей точке зрения, в то время как российское общественное мнение впадало «то в правую, то в левую крайность»? Оттого, что неординарный ум и широчайшая образованность писателя подсказали ему «путь благоразумия и близости к истине – к реальной русской действительности», – взгляд, подчеркивает Милюков, «несомненно европейский». В то же время и с «русской стихией» фокус зрения Тургенева, акцентирует историк, вполне «уживается», - подтверждая это высказывание, Милюков приводит слова И.С. Тургенева, «урезонивающего» критиков своего западничества: «Нас хоть в семи водах мой, – нашей русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были в противном случае за плохенький народец...» Именно таким – «оригинальным мыслителем, а не подражателем», – делает вывод автор статьи, стал Тургенев после окончания первоначального этапа формирования своего мировоззрения. [Милюков, 1934,261]

Завершая статью, П.Н. Милюков с сожалением замечает, что русская интеллигенция в очередной раз переживает «переходный период», и снова нет «центральной идеи» и «господствует разброд». Если бы России, рассуждает Милюков, «было позволено» следовать европейским путем, на который она «давно вступила», то ей, возможно, и не нужны были бы «учителя жизни», но отброс назад из-за установления в стране большевизма делает неопределенным «дальнейшее направление мысли» русской интеллигенции. При таком положении дел, полагает историк, весьма кстати пришелся бы опыт Тургенева. «Со своим чисто европейским чувством меры, – подчеркивает Милюков, – со своим преобладанием разума над страстью, со своим ясновидением и провидением, Тургенев больше чем кто-нибудь другой из русских писателей мог бы помочь нам восстановить потерянный контакт с европейской культурой, связать разорванные концы и повести русскую интеллигенцию дальше – путем,

одинаково чуждым преклонения и перед безначалием, и перед насилием». [Милуков, 1934, 280]

Обратим внимание, какую серьезную задачу готов делегировать известный политик и выдающийся общественный деятель Русского зарубежья Павел Николаевич Милуков Ивану Сергеевичу Тургеневу: восстановить потерянный Россией в результате октябрьской революции 1917 года «контакт» с европейской цивилизацией и стать буквально вождем и учителем русской интеллигенции. В собственное определение европеизма И.С. Тургенева от 1933 года Милуковым вложены новые, актуальные для нации, смыслы: помимо европейской культурности, это еще и способность соединять разорванное европейское культурное пространство силой своего авторитета и быть проводником разума и меры во всем.

О европеизме И.С. Тургенева в главе «Русские и французы», вошедшей в книгу «Дневник писателя», рассуждал и Б.К. Зайцев, автор тургеневской литературной биографии. Очерк создавался Зайцевым в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия, когда русские писатели-эмигранты активно искали свою культурную нишу в инокультурном окружении, искали ответы на главный вопрос русской эмиграции – в чем смысл ее присутствия на чужбине... Слова Н. Берберовой «Мы не в изгнании – мы в послании» приравнивали русских беженцев за пределами Отечества к некоему культурному посольству России в странах их проживания.

Русские писатели, проживающие во Франции, так же, как когда-то И.С. Тургенев, стремились осуществить свою миссию по представлению культуры России. Для этой цели были созданы так называемые Франко-русские собеседования, где русские и французские писатели делали доклады о представителях своих культур. Б. Зайцев рассказывает о Собеседованиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть. Незримое «действующее лицо» этих Собеседований для автора текста – Тургенев, первым осуществивший «культурное посольство» России в Европе. «Было бы хорошо, - завершает автор свой небольшой по объему очерк, - если бы во встречах укрепился дух тургеневского представительства – глубоко русский, но без заискивания, любящий русское, но уважительный к западу – дух просвещенного и спокойного русского европеизма». [Зайцев, 2009, 116]

Русский европеизм с точки зрения Зайцева – это «глубоко русское», но просвещенное, неподобострастное, но уважительное отношение к западной культуре, к западной цивилизации, и именно он был присущ, по мнению Зайцева, И.С. Тургеневу – первому русскому «культурному» послу в Европе.

Наряду с безусловно положительными оценками русской эмиграцией тургеневского европеизма, конечно же, существовали и противоположные им, поскольку отношение к Тургеневу как к «западнику» прямо зависело от мировоззрения и политических предпочтений того, кто их высказывал.

В 1921 году в Софии Российско-Болгарское издательство выпустило книгу Ю.А. Никольского «Тургенев и Достоевский. История одной вражды», из содержания которой очевидно, что симпатии автора, представляющего и комментирующего хронику взаимной неприязни двух писателей, на стороне Ф.М. Достоевского. [Никольский, 1921] В №№ 8,9 журнала «Русская мысль» от 1921 года русский эмигрант, историк, философ Г.В. Флоровский опубликовал рецензию на книгу под названием «Юрий Никольский. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София, Русс.-Болг. книгоиздат. 1921).»

По мнению автора рецензии, в эмпирическом облике И.С. Тургенева была «оскорбляющая» самонадеянность «линяющего западного человека», с которой он «уживался» и «доктринерски» верил в *genus europaeum* (с лат. – европейскую расу – И.Т.) и в безусловную принадлежности к ней русского народа. Отсюда, полагал Флоровский, и «легковесные» пожелания и оценки, которые эта вера подсказывала писателю по отношению к «злобам дня».

Причина конфликта Тургенева и Достоевского, полагает Г. Флоровский, - глубокое «расщепление» русской интеллигенции, которая была не в силах найти собственный путь. Неприязнь двух титанов русской литературы, резюмирует философ, возникла из-за вечного вопроса «что делать?», на который «западники» давали ответ «ничего», так как существует «прогресс» и «европейская раса»...¹

Позиция Г. Флоровского, не разделявшего точку зрения И.С. Тургенева, объяснима: в период написания рецензии философ, будучи в эмиграции в Болгарии, становится сооснователем евразийского движения. [Черняев, Байсвенгер, Ермишин, Глаголев, Щученко, Михайлов, Гаврилюк, Галлахер, Хоружий, Козырев, Соболев, Силантьева, Казарян, Визгин, Маслин, 2015, 517] В этом же году Г.В. Флоровский принимает участие в публикации сборника-манифеста «Исход к Востоку», и рецензия на труд Ю.А. Никольского была, очевидно, еще одним полем для «оттачивания» собственного мировоззрения автора.

Сравним отношения Милюкова и Флоровского к Тургеневу: одному сложность тургеневского типа свидетельствует об особом уровне культурности, который и есть показатель европеизма писателя, другому – о самонадеянности, раздражающей многих самодостаточности «линяющего западного человека». Оба автора цитируют письмо Тургенева Герцену от 1862 года, однако, как по-разному, в зависимости от личных предпочтений, они трактуют положения тургеневского текста. «Русский европеец» Милюков (так точно о нем напишут в посмертной статье) в тургеневской позиции, конечно же, видел преломление собственных взглядов, в то время как Флоровский свое тогдашнее евразийство использовал как базу для критики тургеневского желания следовать путем западной цивилизации.

Заключение

Таким образом, европеизм И.С. Тургенева подвергался серьезному разбору и анализу выдающимися историками, философами, филологами Русского зарубежья. Каждый из них оценивал И.С. Тургенева с позиции собственных мировоззренческих установок, имея опыт изгнанничества и право судить того, кто добровольно более трех десятков лет проживал за пределами своего Отечества. Для одних «русский европеец» Тургенев был первопроходцем и ориентиром в деле культурного представительства за рубежами родины, учителем и потенциальным посредником в деле воссоединения общеевропейского культурного пространства, для других – выразителем идей «западничества», априори не приемлемых для евразийской России. И та, и другая точка зрения была подтверждена огромным интеллектуальным багажом сторонников либо критиков писателя и, главное, искренней любовью к России, ради которой жили, творили, спорили и те, и другие, и сам Иван Сергеевич Тургенев.

Вышеуказанные работы деятелей русской эмиграции актуальны и востребованы в настоящее время, поскольку затрагивают важнейшие вопросы современной русской культуры: о сущности ее европеизации, о проблемах национальной самоидентификации, об актуальности сохранения национальной идентичности нашими соотечественниками за рубежом в условиях инокультурного окружения и глобализации, о перспективной стратегии межкультурных коммуникаций русских и европейцев. Работы Д.С. Мережковского, П.Н. Милюкова, Г.В.

¹Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, архив Г.В.Флоровского, папка №7, ксерокопия статьи из журнала «Русская мысль» №№8,9, 1921, с. 334-336

Флоровского существенно дополняют массив русской тургенианы, поскольку, в отличие от работ Б.К. Зайцева, практически не были использованы современными российскими исследователями жизни и творчества И.С. Тургенева, в том числе, и в контексте изучения концепта «русский европеец».

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространения национализма. М., Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Баженова Т.П., Семина В.С. Сущность европеизации русской культуры // Аналитика культурологии. 2008. № 10. С. 174-185.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979. 423 с.
4. Вахрамеева Е.Е. Феномен российского европеизма и его ранняя история в свете современной историографии // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. № 1 (18). С. 158-164.
5. Георгий Васильевич Флоровский. М., 2015. 517 с.
6. Глаголев В.С. Аксиологические координаты творческой стихии // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasien. СПб., 2016. 336 с.
7. Зайцев Б.К. Дневник писателя. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Русский путь, 2009. 208 с.
8. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 704 с.
9. Карантеева И.Л. Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец» (на материалах биографии и эпистолярия И.С. Тургенева): дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2010. 169 с.
10. Лаппо М.А. Дискурс идентичности и национальное самосознание («Русский европеец» Андрей Тарковский) // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 173.
11. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. М., 2014. Том 18. 277 с.
12. Милюков П.Н. Русский европеец // Последние новости. 1933. № 4547.
13. Милюков П.Н. И.С. Тургенев (1818-1833) // Современные записки. 1934. LIV. 483 с.
14. Никольский Ю.А. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. Российско-Болгарское издательство, София, 1921. 108 с.
15. Силантьева М.В. Ценностный вектор интерпретации исторического знания: за и против // Философия и методология истории. Коломна, 2017. 356 с.
16. Likhacheva A., Makarov I., Makarova E. Post-Soviet Russian identity and its influence on European-Russian relations // European Journal of Futures Research. 2015. Vol. 3. № 1. P. 4.
17. Na J. et al. Cultural differences are not always reducible to individual differences // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. № 14. P. 6192-6197.
18. Varnum et al. The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis // Current directions in psychological science. 2010. Vol. 19. № 1. P. 9-13.

Europeanism of Turgenev in the assessment of cultural workers of the Russian emigration of the first wave

Irina N. Tishina

Journalist,
House of the Russian Diaspora,
119240, 2 Nizhnyaya Radishchevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tishina70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the spectrum of opinions about Turgenev as a "Russian European", worked out by representatives of the Russian emigration of the first wave. The relevance of this topic is determined by the question of collisions in the era of globalization that arise when trying to combine heterogeneous value orientations in the process of "living" an individual in another culture. Many researchers made an attempt to assess the very possibility of combining "Russian" and "European". Turgenev in this case is a special figure: the writer lived abroad for many years, while preserving not only the piercingly accurate sense of the Motherland, but also the ability to convey it. The author of the article highlights the specifics of various interpretations of his work in connection with the theme of universalism of significant cultural texts and a certain national and cultural identity of their creators. The article substantiates the point of view according to which the contradictory nature of Turgenev's assessments as a "Russian European" is connected with the ambiguity of the very situation of intercultural interaction. Those acute problems that this discussion revealed did not lose significance to this day: the analysis of the concept "Russian European" in the historical and cultural context allows us to show the prospect of its theoretical comprehension and practical application in modern intercultural communication.

For citation

Tishina I.N. (2017) Evropeizm I.S. Turgeneva v otsenke deyatelei kul'tury russkoi emigratsii pervoi volny [Europeanism of Turgenev in the assessment of cultural workers of the Russian emigration of the first wave]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 502-511.

Keywords

I.S. Turgenev, L.S. Merezhkovsky, P.N. Milyukov, B.K. Zaitsev, G.V. Florovsky, Russian emigration, "Russian European", European culture, Russian culture.

References

1. Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh rasprostraneniya natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins of the spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Bakhtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ.
3. Bazhenova T.P., Semina V.S. (2008) Sushchnost' evropeizatsii russkoi kul'tury [The essence of Europeanization of Russian culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 10, pp. 174-185.
4. (2015) Georgii Vasil'evich Florovskii []. Moskva, 2015. 517 s.
5. Glagolev V.S. (2016) Aksiologicheskie koordinaty tvorcheskoi stikhii [Axiological coordinates of the creative element]. In: *Tvorchestvo kak natsional'naya stikhiya. Smysl tvorchestva: innovatsii i Dasien* [Creativity as a national element. The meaning of creativity: innovation and Dasien]. St. Petersburg.
6. Kantor V.K. (2001) *Russkii evropeets kak yavlenie kul'tury (filosofsko-istoricheskii analiz)* [Russian European as a phenomenon of culture (philosophical and historical analysis)]. Moscow: ROSSPEN Publ.
7. Karanteeva I.L. (2010) *Istoriko-kul'turnye osnovaniya i sodержanie kontsepta «russkii evropeets» (na materialakh biografii i epistolyariya I.S. Turgeneva)*. Doct. Dis. [Historical and cultural foundations and content of the concept "Russian European" (on the materials of the biography and epistolary of Turgenev). Doct. Dis.]. Kostroma.
8. Lappo M.A. (2014) Diskurs identichnosti i natsional'noe samosoznanie («Russkii evropeets» Andrei Tarkovskii) [Discourse of Identity and National Identity ("Russian European" Andrei Tarkovsky)]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 8, p. 173.
9. Likhacheva A., Makarov I., Makarova E. (2015) Post-Soviet Russian identity and its influence on European-Russian relations. *European Journal of Futures Research*, 3, 1, p. 4.
10. Merezhkovskii D.S. (2014) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collection of writings]. Moscow. Vol. 18.
11. Milyukov P.N. (1933) Russkii evropeets [Russian European]. *Poslednie novosti* [The latest news], 4547.

-
12. Milyukov P.N. (1934) I.S. Turgenev (1818-1833). *Sovremennye zapiski* [Modern notes], LIV.
 13. Na J. et al. (2010) Cultural differences are not always reducible to individual differences. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 14, pp. 6192-6197.
 14. Nikol'skii Yu.A. (1921) *Turgenev i Dostoevskii. Istoriya odnoi vrazhdy* [Turgenev and Dostoevsky. The history of one enmity]. Sofia.
 15. Silant'eva M.V. (2017) Tsennostnyi vektor interpretatsii istoricheskogo znaniya: za i protiv [Value vector of the interpretation of historical knowledge: for and against]. In: *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Kolomna.
 16. Vakhrameeva E.E. (2012) Fenomen rossiiskogo evropeizma i ego rannyya istoriya v svete sovremennoi istoriografii [The phenomenon of Russian Europeanism and its early history in the light of modern historiography]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Perm University in History], 1 (18), pp. 158-164.
 17. Varnum et al. (2010) The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis. *Current directions in psychological science*, 19, 1, pp. 9-13.
 18. Zaitsev B.K. (2009) *Dnevnik pisatelya* [Diary of the writer]. Moscow: House of the Russian Diaspora.